

Е. Н. ПРИЖИМОВА

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЙ ВОПРОС В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Жизнь и труды Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей вот уже более двухсот лет привлекают внимание историков, филологов, богословов, публицистов, художников и поэтов. Кирилло-мефодиевский вопрос остается одной из основных историко-литературных проблем современной палеославистики. Научный интерес к деятельности солунских братьев вполне закономерен, ибо Кирилл и Мефодий олицетворяют собой целую эпоху в истории славянства. Создатели оригинальной письменности, переводчики богослужебных книг с византийских образцов, они стояли у начала болгаро-сербо-русской образованности. Посредники в христианизации славян балканских и мораво-паннонских, они способствовали вхождению их в круг цивилизованных народов Европы. И чем бы ни было использование древнеславянского языка в практике восточно-христианского богослужения: политической интригой, задуманной в Константинополе и умело проведенной византийскими дипломатами Кириллом и Мефодием, или результатом титанической борьбы «апостолов славянских»¹, или блестящей иллюстрацией к «образовавшемуся в Византийской империи к VIII—IX в. греко-славянскому этнологическому типу»² — заслуги их в истории славянства несомненны. Вслед за Г. Димитровым мы вправе повторить его гордые слова: «Задолго до того времени, когда германский император Карл V говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а немецкие дворяне и образованные люди писали на латыни и стыдились немецкого языка, в «варварской» Болгарии апостолы Кирилл и Мефодий создали и распространили древне-болгарскую письменность»³.

Историческая кирилло-мефодиевская проблематика необъятна: источниковедение и историография вопроса; этническая принадлежность Кирилла и Мефодия; литературно-философское наследие Константина-Кирилла; взаимоотношения солунских братьев с византийским двором и патриархами и их контакты с Римом; южные славяне и Византия в IX в. (докирилловские миссии); Кирилл и Мефодий в истории христианства и государственности у славян; судьбы учеников; кирилло-мефодиевские тра-

¹ Е. Георгиев. Кирил и Методий. Истината за създателите на българската и славянската писменост, София, 1969, стр. 5.

² А. С. Будилович. Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности св. Кирилла и Мефодия. «Мефодиевский юбилейный сборник», Варшава, 1885, стр. 4.

³ Стенограмма на заключителната реч пред съда. Сб. «Лайпцигският процес», София, 1960, стр. 239.

диции; образ солунцев в литературе, музыке и изобразительном искусстве славянских народов ⁴. Но и поныне ряд вопросов не может считаться окончательно разрешенным, многие нуждаются в большей доказательности или в современном освещении, некоторые не затронуты вовсе.

Малоисследованной проблемой является историография «Кирилло-Мефодиевских тем болгарскими историками раннего Возрождения» ⁵ — Паисием Хилендарским, Спиридоном Нямецким (Рильским, Габровским) и в так называемой Зографской болгарской истории. Литература по теме весьма немногочисленна. В 1877 г. появилась статья П. А. Сырку «Служба святителю Мефодию, учителю славянскому» ⁶, посвященная культуре солунских братьев в Болгарии. Тырновский хронограф, один из основных источников Спиридоновой истории, впервые был разобран М. С. Дриновым ⁷. В 1900 г. В. Н. Златарский опубликовал «гильфердинговский» список этого сочинения, а в предисловии к изданию он отметил кирилло-мефодиевские источники Спиридона ⁸. В последние годы в связи с новым восприятием трудов Паисия Хилендарского и авторов его круга в болгарской исторической науке заметно усилился интерес к их сообщениям о Кирилле и Мефодии. Исследованию тысячелетнего кирилло-мефодиевского культа в Болгарии посвящен ряд статей и книг Б. С. Ангелова ⁹ и В. С. Киселкова ¹⁰. Г. С. Тодоров в работе «Исторические взгляды Паисия Хилендарского» ¹¹ перечислил, в частности, большинство староболгарских и переводных источников Паисия. Д. Петканова-Тотева — автор статьи о кирилло-мефодиевских легендах, кочевавших в славянских литературах ¹². В монографии К. Мечева очерчен круг кирилло-мефодиевских тем, волновавших Паисия ¹³.

Кириллу и Мефодию и их ученикам в Паисиевой «Истории славяноболгарской» отведена специальная глава «О учителях словенских» ¹⁴; о них упоминается также в перечне болгарских святых ¹⁵. Уделяя столь прис-

⁴ Обзор юбилейной западноевропейской литературы см. J. P e t r o v i ć. Literatura o Ćirilu i Metodiju prilikom 1100. jubileja slavenske pismenosti. «Slovo», 1967, br. 17, s. 136—188; 1969, br. 18—19, s. 233—380. Болгарская библиография последних лет опубликована Ив. Дуйчевым, А. Пауновой и А. Кирмаговой в сб. «Константин — Кирил Философ. Юбилейн сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му». София, 1969, стр. 425—450 и «Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветени на 1100-годишнината от смъртта му», София, 1971, стр. 373—414.

⁵ В этапизации болгарского Возрождения присоединяемся к мнению Е. Георгиева, высказанному им в статье «Паисий Хилендарски — между Ренессанса и Просвещения». Сб. «Паисий Хилендарски и неговата епоха. 1762—1962», София, 1962, стр. 253—283.

⁶ Русский филологический вестник (далее — РФВ), т. XVII. Варшава, 1887, № 1, стр. 69—107.

⁷ Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских учителях. «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), ч. 238. СПб, 1885, № 4, стр. 174—205.

⁸ «История во кратце о болгарском народе словенском», София, 1900. Предисловие, стр. XXV—XLII.

⁹ См. последнюю «Борба за делото на Кирил и Методий», София, 1969.

¹⁰ «Кириллометодиевият култ в България». В сб. «Хиляда и сто години на славянската писменост». София, 1963, стр. 339—358.

¹¹ «Исторически възгледи на Паисий Хилендарски». — «Известия на Института за история» (далее — ИИИ), т. 20. София, 1968, стр. 139—141.

¹² «Кирил и Методий в някоя легендарни книжовни паметници». В Сб. «Константин-Кирил Философ...», 1969, стр. 75—94.

¹³ «Кирил и Методий. Исторически извори и литературни паметници». София, 1969, стр. 100—101.

¹⁴ Цит. по изд. Й. Иванова «История славяноболгарская собрана и нареждана. Паисиевъ иеромонахъ во лѣто 1762». София. 1914, стр. 67—74.

¹⁵ Там же, стр. 76—77.

тальное внимание их трудам, Паисий тем самым подчеркивает значение культурного миссионерства в истории Болгарии. Он делает акцент на так называемой «болгарской миссии» — проповедничестве Мефодия при дворе Радивоя-Богориса и деятельности Охридской школы.

Сюжетную канву биографий солунских братьев составили сведения, почерпнутые Паисием преимущественно из памятников агиографического характера. В соответствии с минейным (Дмитрия Ростовского) текстом Паннонских легенд, Кратких житий и поздних славянских прологов он повествует о знатности и богатстве рода Льва, отца Кирилла и Мефодия, его высоким чине в военно-административной иерархии империи¹⁶.

Мефодий наследовал отцу, поступив на военную службу, в течение 10 лет он правил в некоей славянской области, где научился славянскому языку: «С(вя)ты(й) Мефодия сталъ воевода славѣнски или болгарски, и научил се языкъ славѣнски. По десеть лета оставилъ санъ воински...»¹⁷. Из этих строк следует, что, по мнению Паисия, ромей Мефодий ранее не владел славянским языком, равно как не был знаком с правами подвластных ему славян.

Местонахождение наместничества Михаила-Мефодия¹⁸ спорно и поныне; в научной литературе существует несколько гипотез — стримонская П. Шафарика¹⁹ — Е. Дюммлера²⁰ — Фр. Дворника²¹ — С. В. Троицкого²²; «фессалийская» М. С. Дринова²³ — К. Иречека²⁴ — И. И. Малышевского²⁵; «вифинская» А. С. Будиловича²⁶ — А. Э. Тахиаоса²⁷; Е. Георгиев полагает, что Мефодий правил в солунской феме, подобно отцу²⁸.

Паисий не указывает, где именно Мефодий получил от императора Феофила «княжение.... държати словѣнско»²⁹; скорее всего, оно находилось где-то в пределах Стримона — Брегалницы. В пользу этого предположения свидетельствуют и так называемое Хилендарское сказание —

¹⁶ Интересно, что в отличие от всех кирилло-мефодиевских памятников, именующих Льва друнгарием, *Χιλαρταρχὴν Διήγησις* (в переложении Афанасия Паросского) называет его архонтом (см. Н. Л. Т у н и ц к и й. Св. Климент, епископ словенский, Сергиев Посад, 1913, стр. 28, 263. См. о ХД стр. 7—8). Дионисий Попович, епископ Будинский, напечатанный в 1823 г. «Истинную повесть о Кирилле и Мефодии...», называет его катепаном (Н. Л. Т у н и ц к и й. Там же, стр. 263.)

¹⁷ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 67—68.

¹⁸ О том, что светское имя Мефодия было Михаил, впервые сообщил, сославшись на ХД, Гривец (F. G r i v e s. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, S. 20). См. также С. В. Т р о и ц к и й. Святой Мефодий как славянский законодатель. «Богословские труды Московской патриархии» (далее — БТ), вып. 2. М., 1961, стр. 100.

¹⁹ П. Ш а ф а р и к. Расцвет славянской письменности в Болгарии. М., 1848, стр. 4.

²⁰ E. D ü m m l e r. Die Pannonische Legende vom hl. Methodien. «Archiv für Kunde Österreichischer Geschichtsquellen». Wien, B. XIII. 1854, S. 165—166.

²¹ F. D v o r n i k. Les Legendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. «Byzantinoslavica — suppl.» (далее Bsl), v. 1, Prague, 1929, p. 15.

²² См. также его статью на эту тему «Святой Мефодий или болгарский князь Борис составил Закон судный людем?». БТ, вып. 4, 1968, стр. 117—126.

²³ М. С. Д р и н о в. Заселение Балканского полуострова славянами. Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 316.

²⁴ K. J i g e c e k. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1875, S. 152.

²⁵ И. И. М а л ы ш е в с к и й. Свв. Кирилл и Мефодий. «Труды Киевской духовной академии» (далее — ТКДА). Киев, 1885, т. II, № 5, стр. 118.

²⁶ А. С. Б у д и л о в и ч. Там же, стр. 14.

²⁷ А.-Э. Т а х и а о с. Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до моравской миссии. Сб. «Константин-Кирилл Философ», 1971, стр. 288.

²⁸ Е. Г е о р г и е в. Кирилл и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 45.

²⁹ А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Кирилл и Методи, св. 1. София, 1920, стр. 86.

памятник, почти забытый историками современности³⁰. Эта легенда упоминает о пограничной Болгарии области, куда император Михаил поставил Мефодия:

Ὀὐρανὸς Κρίσις . . .
 «Καὶ ὁ μὲν Μεθόδιος ὀλοῦσ' ἦτον
 πρῶτος τὴν Ἠλικίαν, ἀφ' οὗ ἔμαθε
 τὰ ἱερὰ γράμματα, καὶ ἔφθασεν εἰς
 Ἠλικίαν ἀνδρὸς ἐγένετο δ' αὐτῶν τῆς
 ... Ὄθεν ἐπὶ τῆς Βασιλείας Θεοφίλου
 τοῦ οἰκονομάχου ἦλθεν εἰς τὴν
 κωνσταντινούπολιν, διὰ προσταγῆς
 τοῦ Βασιλέως, καὶ παρ' αὐτοῦ
 πέμπεται στρατηγὸς εἰς ἕκαστα...
 τὰ μέρη, τὰ ὅποια ἔσουρουσαν
 μὲ τὸ ἔθνος τῶν Βουλγάρων...».

«Истинная повесть...»

«Меодій, возрастомъ старій, када
 изучи священо Оученіе и доспѣ оу
 возрастъ мужескій, постане войникомъ,
 и будуть да е быо мужественъ и вес-
 ма достоянъ, за что чувенъ буде оу
 самомъ царскомъ двору. Оу време...
 Царя Теофіла Иконоборца..... доиде
 оу Цариградъ на заповѣсть Царску.....
 као Военачалникъ оу оне предѣле, кои су
 граничили съ Болгарскимъ народомъ...»³¹.

Ни Фессалия, ни тем более малоазийские провинции в 30—40-е годы IX в. с Болгарией не сообщались, тогда как Стримон был пограничным владением. Еще в новое время здесь бытовали предания о просветителе Мефодии Солунском, жившем в этих краях³². Отношения местных славян с греками были в Стримоне давними и привычными. Договоры их с византийским правительством упоминаются со времен Юстиниана II (685—692), о котором в Бревиарии Никифора Константинопольского говорится, что он «... πολλὰ τῶν ἐκείσε (т. е. около Солуны) Σκλαβητῶν γένη τὰ μὲν πολέμῳ τὰ δὲ ὁμιολογία»³³. Эти относительно мирные отношения с греками нарушались в первые десятилетия IX в. только под влиянием внешних вторжений в Македонию. Защищая византийскую границу, Мефодий проявил храбрость, подобную отваге библейских героев³⁴.

Паисий вслед за жизнеописателем Мефодия указывает, что княжение ему было дано «словѣньско»³⁵, т. е. «въ Словѣнѣхъ» древних памятников. Этот термин — калька византийского «ἐν Σκλαβίαις», а «Σκλαβίαις» у греческих и арабских авторов традиционно обозначали колонизованные славянами регионы империи. С этими замечаниями мы присоединяемся к «стримонской» гипотезе.

³⁰ Новогреческий вариант старинного византийского жития Кирилла и Мефодия, датируемого Н. Л. Туницким XII—XIII вв. (см. Н. Л. Туницкий. Там же, стр. 33), а Г. А. Ильинским — даже IX—X вв. (Г. А. Ильинский. Иван Огіенко. Константин і Мефодій, їх життя та діяльність. Bsl., I. 1929, Praha, s. 237), И. В. Ягич, впрочем, относит его к XIV—XV вв. (I. J a g i ć. Н. Л. Туницкий. Св. Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. «Archiv für slavische Philologie», V. 35. Berlin, 1914, Hf. 3—4, S. 577—585); такого же мнения Н. М. Петровский (К истории сказаний о св. Кирилле и Мефодии, ЖМНП, НС, ч. IX, 1907, № 5, стр. 155). Подлинный текст ХД, ныне утерянный, еще в начале XIX в. хранился в Хилендаре, скевофилак которого проигумен Даниил, болгарин из Старой Загоры, переслал рукопись А. Паросскому. Последний поместил ХД в своем сочинении «Ὀὐρανὸς Κρίσις...» — «Суд небесный...» (ἐν Λεβφία, 1805). «Истинная повесть...» представляет собой компиляцию ХД и «Ὀὐρανὸς Κρίσις».

³¹ Н. Л. Туницкий. Там же, стр. 263—264.

³² Г. Трайчев. Манастирите в Македония. София, 1933, стр. 172.

³³ «Breviarium Nicephori». — «Извори за българската история», т. VII, София, 1960, гл. XXIII, § 6, стр. 297.

³⁴ «...На войнѣко и Самѣсонъ и Гедѣонъ и Исѣ Навѣгинъ страшнѣхъ являшеся» (Похвальное слово свв. Кириллу и Мефодию. Цит. по П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии АН СССР, т. I. Л., 1930, стр. 81).

³⁵ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 67.

Титул Мефодия Паисием трактуется как «воевода» (соответственно Общей Похвале³⁶). Дюммлер³⁷ и Рачки³⁸ также считают Мефодия стримонским стратигом (*στρατηγός Στριμόνος*). Дворник оспаривает это мнение, считая, что в 30—40-е годы IX в. Стримон был архонтией (*ἀρχοντία*), а Мефодий — ее архонтом (*ἄρχων*)³⁹, поэтому и Пространные, и Проложные жития называют его «князем»⁴⁰ (славянский эквивалент византийскому термину). Десятилетие спустя Лемерль установил, что Стримон был первой европейской клисурой Византии⁴¹. С. В. Троицкий продолжил эту мысль, отметив, что Мефодий в 830(831)—840(841) гг. был ее архонтом⁴². Но интересно, что Кекавмен толкует слово «челник» (см. «военачальник» у Д. Поповича) как болгарское в значении «стратиг», «военачальник».

Следовательно, Паисиев термин «воевода славянски», заимствованный им, как мы видим, у Климента Охридского, означает в свете современных научных данных, что Мефодий управлял клисурой Стримон. О причинах, побудивших его решиться на постриг, Паисий не сообщает, как и не называет монастырь в Вифинии, где он принял великую схиму.

О юных годах Константина Паисий пишет вкратце: «Кирилъ с(вя)тѣй билъ помлади братъ Методийнъ оучил се послѣде философия в Цариградъ заедно с Михаила ц(а)ря малого сина Теофилова...»⁴³.

Интересно лишь его сообщение о том, что Константин принял рукоположение (стал хартофилаком в константинопольском храме св. Софии) по совету старшего брата: «...И по съвѣта брата его Мееодия оставилъ миръ и въсприязль и онъ монашески чинъ...»⁴⁴.

После рассказа о молодости братьев Паисий переходит к истории христианизации Болгарии при хане Богорисе. При воссоздании этого важнейшего момента отечественной истории первоисточником ему послужила старинная византийская легенда, известная уже Ц. Баронию и М. Орбини. Эти авторы использовали сведения греческих хронистов о Мефодии-живописце, фрески которого склонили языческого повелителя болгаро-славян уверовать во Христа. Но ни Бароний⁴⁵, ни Орбини⁴⁶ не утверждают, что Мефодий Солунский имел какое бы то ни было отношение к Константину Философу: для них это некий странствующий художник, грек по происхождению. Паисий же приводит другую версию, согласно которой Мефодий, будущий архиепископ Моравский, специально прибыл в Тырново для

³⁶ «Тѣмъ же и воеводскѣй санъ примѣ...». П. А. Лавров. Там же, стр. 81.

³⁷ E. D ü m m l e r. Ibid., S. 165—166.

³⁸ F. R a č k i. *Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, slovenskih apostolov*, t. 2. Zagreb, 1859, s. 86.

³⁹ F. D v o r n i k. Ibid., p. 15.

⁴⁰ А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 86.

⁴¹ P. L e m e r l e. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. «Bibliothèque des écoles françaises», f. 158. Paris, 1945, p. 118. К этому же мнению присоединился и J. Ферлуга (Ниже военно-административные единицы тематског уређења. «Зборник радова», кн. 36. Београд, 1953, стр. 61—94).

⁴² С. В. Троицкий. Там же, стр. 101—103.

⁴³ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 68.

⁴⁴ Там же. Первый духовный чин Константина-Кирилла до сих пор не установлен. Выражение его Пространного жития «...постригыши и на поповство...» (А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 34) означает, на наш взгляд, принятие священнического сана, а не монашества. По крайней мере, в византийских и славянских средневековых актах («*пѣтхъ*») (славянское «поп») — всегда только священник. См., например, «Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона», Киев, 1873, стр. 393, 406, 408.

⁴⁵ «Деяния церковныя и гражданския...», М., 1719, стр. 212.

⁴⁶ «Книга историография...», СПб, 1722, стр. 301—302.

обращения язычника Богориса. В предыдущем же отрывке о Муртагоне⁴⁷ и Мефодии Паисий не называет последнего славянским апостолом. Это «несоответствие» Д. Петканова-Тотева объясняет тем, что, «когда наш историк начал составлять главу о славянских учителях, у него вдруг мелькнула счастливая мысль, что этот „некий Мефодий“ — не случайная личность, а болгарский учитель и моравский епископ»⁴⁸. Но ведь Паисий мог руководствоваться как собственной фантазией, так и болгарским вариантом греческой легенды. В письменных источниках этот вариант не зафиксирован в отличие от русского, записанного Нестором (рассказ о том, как византийский философ Кирилл, присланный Фотием, своей проповедью обратил князя Владимира)⁴⁹. Но автор Пространного жития Климента называет Бориса одним из первых духовных чад Мефодия:

«Ὁὐ μὲν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαήλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάσαι μὲν τέκνον ἐποίησατο, καὶ τῆς οἰκίας γλώττης τῆς τὰ πάντα καλῆς ἐξηγήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων ἐνεργείας ἅνια λείπτως εἶη δαρούμενος»⁵⁰.

«Кроме того, и болгарского князя Бориса, жившего во время повелителя ромеев Михаила, и того великий Мефодий сделал своим духовным чадом и привлек еще и прежде к своему языку, прекрасному во всем⁵¹, и в это время непрестанно одарял своим благодетельным словом».

Автор так называемой Зографской болгарской истории⁵² также упоминает о пребывании Мефодия в Тырнове. Как он сообщает в ЗИ, хан Муртагон «... крести ся, понеже имѣаше сестру плѣнену в царскій дворъ в Царѣградѣ бѣше крещена и ... прѣиде ко брату своему: и имяше с собою единого: иконописца именем Меодѣя монаха...»⁵³. Этот Мефодий расписал по повелению Омортага его охотничий домик, но не картины облав и портреты охотников, а «различны исторїи хр(ис)тіанскїя и ... страшный судъ христовъ»⁵⁴ поместил хитроумный художник на его стенах. Хан

⁴⁷ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 25. Следуя, вероятно, Баронию, Паисий смешивает имена и деяния болгарских ханов — язычников Омортага-Муртагона и Радивоя-Богориса-Бориса-Михаила.

⁴⁸ «Кирил и Мефодий в няков...», стр. 88. Кстати, почти весь кирилло-мефодиевский материал Паисия расценивается автором как плод его неуемной фантазии.

⁴⁹ А. А. Шахматов. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира. «Сборник историко-филологического общества, состоящего при императорском Харьковском университете», т. XV, Харьков, 1908, стр. 69—74. Нестор мог идентифицировать Кирилла Катанского, посланного Фотием и Василием Македонянином на Русь, с Кириллом Философом.

⁵⁰ Цит. по изд. А. Милев. Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966, стр. 88.

⁵¹ Неясно, какой именно язык, «прекрасный во всем» — славянский или греческий, имеет в виду Феофилакт Охридский.

⁵² Малоизвестное историческое сочинение; составлено не позднее 1785 и не ранее 1750 г. (так как в списке болгарских святых в нем поминается битольский мученик Ангел, погибший в 1750) г. — см. об этом, например, И. Снегаров. Кратка история на съвременните православни църкви, т. 2. София, 1946, стр. 75—76, а найдено оно в так называемом Якововом списке 1785 г.). ЗИ была известна Г. С. Раковскому, купившему на базаре в Белграде у букиниста Х. Н. Йовановича какой-то ее список на пергамене in octo (см. Г. С. Раковски. Народни български повествователни паметници. «Български старини», Букурещ, 1865, кн. I. стр. 200—202). Впервые издана Ст. Аргировым (Из находките ми в светогорските манастири Хилендар и Зограф. «Периодическо списание на българско книжно дружество в гр. Средец», София, кн. XVIII, 1908, стр. 226—238), затем И. Ивановым («Български старини из Македония», София, 1931, стр. 630—642). Единственным ее исследователем был Ю. Трифонов («Зографската българска история». «Списание на БАН», кн. X. София, 1940, стр. 1—64). Зографской ее называют вслед за В. Н. Златарским (предисловие к изданию Спиридоновой истории, стр. XIII), по мнению Златарского, автором ее является болгарский же монах Стефан Светогорский.

⁵³ И. Иванов. Български старини..., стр. 634.

⁵⁴ Там же.

болгарский, убоясь геены огненной, отрекся от язычества. История о крещении болгарского царя бродячим монахом-зографом известна была также Спиридону Нямецкому⁵⁵.

Другие старинные болгарские памятники (Успение Кириллово, Брегалницкая легенда и пр.), западнославянские Чешская и Моравская легенды, хроника Козьмы Пражского, градиштские летописи, также Дуклянская хроника подтверждают это свидетельство. Правда, эти памятники указывают, что князя Богориса обратил Кирилл. Из-за скудости источников нам остается лишь гадать, кто из братьев проповедовал при дворе болгарского хана⁵⁶ и проповедовал ли вообще. Но связь изобретения письменности с введением христианства была так естественна, что славянские книжники указывают на непосредственную деятельность Кирилла и Мефодия во всех славянских землях. Не приходится сомневаться, что в данном случае историки Возрождения руководствовались либо устным болгарским вариантом легенды о Мефодии Зографе, либо сочинением Феофилакта Охридского.

Интересно также, что столицей державы Богориса Паисий называет Тырново, как и Спиридон Габровский, и автор ЗИ. Может быть, все они видели «тырновский хронограф»⁵⁷?

Вообще вопрос о «болгарской миссии» солунских братьев в историографии крайне запутан; мнения авторитетных ученых часто не шли дальше гипотез. Да и не столь важно, проповедовали ли солунцы в Болгарии. Логически размышляя, византийские церковные и правительственные круги, заинтересованные в христианизации далекой Моравии и Киевской Руси, обязательно должны были приобщить к государственной религии своих славянских подданных и пытались приобщить славяно-болгар Борисовой державы. Более того, константинопольское духовенство было затем вынуждено покровительствовать новым епархиям. Подобный «демократизм» византийско-восточной церкви входил в *modus vivendi* империи, ибо эта незначительная по размерам и населению страна могла сохранять диктат над сателлитами и сдерживать натиск варваров лишь умелым сочетанием силы и гибкой религиозно-культурной политики. В отношениях с Болгарией это выразилось в постоянных столкновениях с болгарскими ханами и неоднократных попытках миссионерства у мизийских и македонских славян и болгар. О византийских миссиях у южных славян в докирилловскую эпоху свидетельствует, например, Брегалницкая легенда, содержащая отголоски смутных преданий о Кирилле Кападокийско-Солунском (вторая половина VII в.)⁵⁸. Может быть, невнимание большинства

⁵⁵ «История во кратце», стр. 43.

⁵⁶ Паисий, кстати говоря, пишет, что Мефодий лишь обратил Бориса ко Христу, крестил же его и домочадцев епископ, присланный из Константинополя («История славяноболгарская...», стр. 63). Это беглое упоминание позволит, может быть, внести некоторую ясность в вопрос о времени крещения Болгарии; видимо, в середине 50-х годов IX в. был крещен лишь Преславский двор, тогда как христианизация всей страны относится к 864 г.

⁵⁷ См. о нем подробнее стр. 38—39.

⁵⁸ В сознании последующих поколений переписчиков житий, зографов, богословов и историков имена и труды Кирилла Александрийского, Кирилла Кападокийца, Кирилла Катарского и Кирилла Солунского (подобно, например, Клименту Римскому и Клименту Охридскому, Горазду и св. Эразму) слились воедино. См. об этом П. Успенский. Отрывок из путешествия в Афонские монастыри и скиты в 1846 г. О св. Кирилле, просветителе славян моравских. ТКДА, 1877, т. III, № 10, стр. 79—110. Возможно, в первой четверти IX в. в Болгарии побывал еще один византийский миссионер; автор ЗИ сообщает о нем следующее: «...с(вя)тый Кирилль философъ написа болгаромъ книгу по своему языку сущимъ при Дунаи рѣцѣ живущимъ христіаномъ» (И. И в а н о в. Български старини..., стр. 634). О попытках создания азбуки в докирилловский период см. работы Е. Георгиева (например, его статью «Родина на кирило-

греческих хронистов и писателей к Кириллу и Мефодию объясняется именно ординарностью подобных миссий в глазах просвещенного византийца?

Для Паисия просветительная деятельность Кирилла и Мефодия в Болгарии — непреложный факт: «... Всприялї Меѳодия и Кирилъ епископство да идать да учать болгари и прочи славянъ, вѣру хр(ис)тианскою, и нарекли ихъ апостоли болгарские»⁵⁹. Была создана азбука из 38 букв и переведено евангелие апракос от Иоанна: «Постил се с(вя)ты(й) Кирил м(40) д(б)ни и извадилъ лй (38) слова и сложили писмо на словѣнски языкъ прво написали от Иоана евангелие въ начеле бе слово...»⁶⁰. Перевод был одобрен вдовствующей императрицей Феодорой и патриархом Игнатием; Кириллу и Мефодию было поручено просвещение балканских славян: «...И рекли имъ учити болгари и словени по языку ихъ и преводити от греческой книги на словенски»⁶¹.

Из Тырнова они пришли в Охрид к некоему архиепископу Клименту, где собрали вокруг себя кружок образованных славянских филологов, знакомых с античной философией и сведущих в писании: «И там се събраше петь философе от болгарски род, знахли елински премудости и писаніе: Климентъ, Сава, Наумъ, Еразмъ, Ангеларїа. То са вси с(вя)ти мужи петь языка болгарского...»⁶². Охридско-солунской школе, по мнению Паисия, принадлежит заслуга создания искусственного общеславянского языка, вобравшего элементы ряда живых наречий. На этом славянском эсперанто были сделаны дальнейшие переводы, предназначенные для болгар: «И предали ихъ перво болгаромъ и наречени били книги болгарски...»⁶³.

Епископский сан Константина — свидетельство славянских прологов XV — XVI столетий⁶⁴, подхваченное позднесредневековыми иконописцами. Это мнение находится в полном соответствии с данными древнейшей кирилло-мефодиевской иконографии. Мы имеем в виду фрески, открытые в 60-х годах XIX в. приором ирландских доминиканцев Меллули на стенах и колоннах в базилике⁶⁵ под римской церковью св. Климента. Росписи⁶⁶ находятся недалеко от того места, где по преданию стояла рака с мощами св. Кирилла Солунянина. Определение коленопреклоненных монахов спорно из-за плохой сохранности изображения, тогда как остальные

методиево дело». Сб. Константин-Кирилл Философ, (1969), стр. 31—43), и И. Дуйчева «Вопросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянската азбука през първата половина на IX в.». ИИИ, т. 7, 1957, стр. 241—243.

⁵⁹ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 68.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 69. Видимо, не случайно именуется они Паисием «даскали искусни и премудри». Дидаскалы православной греко-восточной церкви в византийскую эпоху были проповедниками христианства (*didaskaloi tēs 'ekklēsiās*) с церковной кафедры, миссионерами. См. об этом «Православная богословская энциклопедия» (далее — ПБЭ), т. VI. СПб, 1905, стр. 323.

⁶² «Исторія славѣноболгарская...», стр. 69. Остальные двое — Лаврентий и Ангеларий. (Седмичисленниками Паисий называет только первых семь учеников Кирилла и Мефодия. В действительности учеников было значительно больше — здесь же скорее имеет место древнейшая ассиро-вавилонская традиция освящения числа семь, унаследованная и славянскими православными книжниками (семеро детей Льва и Марии, семь первоучеников и т. д.).

⁶³ Там же, стр. 69. Горазда (Еразм у Паисия) в Македонии зачастую принимали за св. Еразма, жившего в Охриде-Лихниде. См. Й. И в а н о в. Български старини..., стр. 310.

⁶⁴ См., например, П. А. Л а в р о в с к и й. Был ли святой Кирилл Солунский епископом? ЖМНП, ч. 238, 1885, № 4, стр. 170.

⁶⁵ Разрушена и засыпана в самом конце XI в.

⁶⁶ «Два коленопреклоненных монаха, представляемые Христу свв. Климентом и Андреем, благословляемые им по греческому обряду»; «Крещение язычника»; «Отпуск Михайлом III монаха с нимбом над головою и с надписью *Cirill*»; «Перенесение мощей св. Климента Римского(?) из Ватикана в его церковь».

фрески дают возможность различить Кирилла и Мефодия. В композиции «Крещение язычника» представлен, безусловно, Кирилл, облаченный в одежду византийского епископа⁶⁷ (его омофор, покрытый крестами, явно восточного типа, спущен поверх фелони вперед двумя концами). Более поздняя фреска «Перенесение мощей» изображает святого в епископском облачении, форма и украшения которого по рисунку не позже X в. Но это, конечно, никак не мощи Кирилла Философа, ибо из надписи под картиной следует, что погребение произошло при папе Николае.

Паисий ссылается также на «гречески стари отечници рукописни», откуда он заимствовал основные сведения о сподвижниках Кирилла и Мефодия доморавского периода⁶⁸. Вероятнее всего, то были патериконы — рукописные жития или службы св. Клименту; возможно, он пользовался мосхопольскими печатными службами в честь св. седмичисленников. Рукописные патериконы, лежавшие в основе мосхопольских изданий Михаила Горы и Григория Константинидиса, безвозвратно исчезли в бурях политических пертурбаций, пронесшихся над Балканским субконтинентом. Можно лишь предположить, что они исходили из монастыря св. Наума, центра культа седмичисленников⁶⁹. Эта традиция сложилась в Охриде как отголосок тех времен, когда функционировала Брегалницкая школа и Климент был кутмичевицким епископом. Узаконенная охридским клиром, она жила и в позднее средневековье, когда в других славянских землях почитание братьев и их сподвижников затухало. Кроме патериконов, Паисий использовал и иконописный материал: в странствованиях по Балканам он отметил, что «... гречески иконописци вси седмь наедно пишать на икони и именують ихъ даскали словенскѣ...»⁷⁰. Очевидно, имелись в виду творения Дебырской школы, тесно связанной с афонскими иконописными мастерскими; ее представителями был создан ряд фресок и иконостасов в монастырях и церквях Охридской епархии.

По данным Паисия, следующего отчасти этой традиции, Кирилл и Мефодий создали праалфавит: «...и имеа ли написани Кириль и Мефодѣа букви славенскѣи, но не могли съвокупити толико речи изредни от славенски кзвикъ и составить псалтирь перво...»⁷¹. Приоритет же в создании литературного языка принадлежит седмичисленникам, которые много «...помогали имъ и разпратили по всюду, где са говори славенски. И собрали речи по граматика греческака, колико има тамо речи, написали, спроти они речи собрали от вес(ь) славенски кзвикъ, и составили перво псалтирь і ев(ан)г(е)лїе въ Охрид(ь) и въ Солунь»⁷². «Тако събирали речи изредни и прави от болгари, от сербїе, ст руси, от московѣ, от словене, от лехове...»⁷³.

Число букв азбуки — 38 — заимствовано Паисием, вероятно, из одного из списков Сказания о письменах Черноризца Храбра (хилендарского или зографского)⁷⁴. Наконец, о синтетическом характере древнеславянского языка пишет Константин Костенчский. Правда, Паисий не счи-

⁶⁷ Здесь мы пользовались материалами ПБЭ (т. V, 1905, стр. 368) и статьей Н. Тьерри (N. Thierry. Le costume épiscopale byzantine du IXe au XIIIe siècle d'après les peintures datées (miniatures, fresques). «Revue des études byzantines», v. 22. Paris, 1966, p. 308—315).

⁶⁸ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 77.

⁶⁹ В Македонии их принято именовать «свети седмичисленници» или «свети светозарни учители».

⁷⁰ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 77.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 69.

⁷⁴ См. К. М. Куев. Черноризец Храбър. София, 1967, стр. 202, 205.

тает «тончайший и краснейший»⁷⁵ русский язык его первоосновой. По его мнению, древнеславянский язык был сводным наречием с вкраплениями основных славянских диалектов. Первыми же книгами, переведенными седмичисленниками с греческого, были изборное евангелие от Иоанна, апостол и псалтирь.

Моравской миссии Кирилла и Мефодия Паисий уделяет всего несколько строк; здесь он явно тенденциозен, подобно автору Паннонских легенд.

Спиридон также начинает свое повествование о Кирилле и Мефодии с описания знатности, богатства и влияния рода Льва, особо отмечая его обширные связи: «Бѣ той Леонъ знаемъ Сергію, зетю царскому...»⁷⁶. Соучеником Кирилла Паисий называет малолетнего Михаила III, Спиридон же противоречив: в главе о крещении царя Бориса он, следуя, вероятно, Успению Кириллову⁷⁷, сообщает, что соучеником был племянник Михаила, сын его сестры Феклы и патрикия Сергия⁷⁸. В главе же «О Кирилѣ Філософа» он, в соответствии с Пространным житием Кирилла⁷⁹, называет соучеником самого императора⁸⁰. Вообще в деталях Спиридон исключительно неточен. Так, покровителем братьев он именует патрикия Сергия, зятя Феофила: «...Сергій..., пославъ в Солунь, перваго сына его (Льва — Е. П.) воеводу дарданамъ постави, а мѣншаго в Цариградъ приведи и в наученіе отдаде»⁸¹. Но все кирилло-мефодиевские источники единодушно называют их патроном логофета Феоктиста⁸², одного из регентов при малолетнем Михаиле III и *spiritus movens* при назначении Мефодия. Имя же Сергия как мужа дочери Феофила нигде не встречается. В браке состояла лишь одна дочь императора, его любимица Мария. В 831 (832) г. она была отдана за армянина Алексия Моселе, возведенного в сан патрикия и магистра; Фекла же, фаворитка будущего императора Василия Македонянина, никогда не была замужем. Ок. 856 г. она вместе с младшими сестрами Анной, Анастасией и Пульхерией приняла схиму в Гастрийском монастыре. Итак, Михаил III мог иметь законного племянника, но родителями его были бы Мария и Алексей Моселе, а не Фекла и Сергий⁸³. И 6-летний Михаил III, и его племянник, и бастард Феофила Константин, умерший в юном возрасте, могли быть соучениками Константина-Кирилла; весь этот сюжет занимателен для нас потому, что он свидетельствует о связях юного Кирилла — ведь его соучеником был один из представителей царствующего дома Аморийцев.

О Мефодии Спиридон сообщает, что стараниями своего патрона тот был назначен на княжение в Вардарии (Дардании): «Сергій... перваго сына его воеводу дарданамъ постави...»⁸⁴. Мефодий унаследовал этот пост от своего отца, поэтому и знал славянский диалект с детства: «Дарданія или Вардарія... обладаема бѣ от кесарей греческихъ в то врѣмя, того ради и воеводы от греков поставляему бѣху. И тако дѣтей Леоновы, пребывающе всегда с болгарамы, знаяху языка болгарского...»⁸⁵. Противоречит ли

⁷⁵ А. Теодоров-Балан. Кирил и Методи, св. 2, 1934, стр. 146.

⁷⁶ «История во кратце...», стр. 40.

⁷⁷ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения..., стр. 154.

⁷⁸ В главе «О Богарисе, царя болгарском, и о крещеніе его». «История во кратце...», стр. 39.

⁷⁹ А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 33—34.

⁸⁰ Там же, стр. 39.

⁸¹ Там же, стр. 40.

⁸² См. об этом И. И. Малышевский. Логофет Феоктист, покровитель Константина Философа. ТГДА, 1887, т. 1. стр. 265—297.

⁸³ См. генеалогические таблицы в т. III «Истории Византии», М., 1967, стр. 378.

⁸⁴ «История во кратце...», стр. 40.

⁸⁵ Там же.

сам себе Спиридон, цитируя далее «тырновский хронограф» — летопись, составленную по указанию патриарха и, вероятно, с участием самого владыки? «...Аще и святыи Евѳимій, патриархъ тырновскій, имянно рода болгарскаго быти глаголет»⁸⁶. И далее: «...Благословенъ бог... воздвиже от рода нашего таковаго учителя, иже просвѣти языкъ наш...»⁸⁷.

Быть может, в его представлении Кирилл и Мефодий — славяне, воспитанные греками и на греческий лад, истинные ромеи по духу, но объективно способствовавшие подъему болгарской культуры? Афонские монахи Паисий и Спиридон могли позволить себе прийти к подобному заключению, поскольку в те годы движение против грекомании еще не переросло в яростную антифанариотскую борьбу⁸⁸. В науке вопрос об этнической принадлежности братьев остается спорным и решается различно, более или менее предвзято. Источники не говорят с полной определенностью, кто были Кирилл и Мефодий — славяне или греки. Но, не сказав нам об их происхождении, древние жития предпочли отметить другие их качества, одинаково ценные в греке и славянине — высокую образованность, редкие таланты и огромное личное мужество.

В описании крещения Бориса⁸⁹ Спиридон вновь дает взаимоисключающие сведения. Изложив легенду о крещении Бориса Мефодием Зографом в 845 г.⁹⁰, «... во время святаго Меѳодія, патріарха константинопольскаго»⁹¹, он опровергает тем самым свое прежнее сообщение о Кирилле, крестившем Бориса и 53 тыс. его воинов, с победой вернувшихся из Армении⁹². После возвращения из Хазарии Кирилл по просьбе Бориса был послан в Болгарию для перевода богослужебных книг. Миссия его длилась три года (867—869), после чего Константин-Кирилл был послан в Моравию⁹³. Это вопиющий анахронизм, ибо год смерти Константина Солунского в Риме — 869 — не вызывает никаких сомнений. Дамаскин Студит, которого Спиридон придает в спутники Кириллу, никак не мог быть с последним — это теолог XV в., творения которого на славяно-болгарский, а затем на разговорный болгарский язык были переложены в XVI в. Спиридон отождествил его с Феодором Студитом (IX в.), а его труды счел оригинальными произведениями староболгарской литературы. Другой сподвижник Кирилла иеромонах Мефодий (не Мефодий Моравский) идентифицирован,

⁸⁶ Там же, стр. 40, 42. Д. Петканова-Тотева считает существование тырновского хронографа весьма сомнительным («История во кратце...», стр. 89); о нем не упоминается и в известном издании сочинений Евфимия Тырновского, предпринятом Калужнянским (E. Kaluzniasky. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutimius, Wien, 1901). Но М. С. Дринов («Новый церковно-славянский памятник...», стр. 344), а вслед за ним такой авторитет в изучении наследия Евфимия, как П. А. Сырку («Евфимия, патриарха тырновского, служба преподобной царице Феофано», СПб, 1900, стр. 1), допускали, что у Евфимия Тырновского были сочинения и исторического характера. На наш взгляд, патриарх Евфимий имел явную склонность к историческим сочинениям. В пользу этого предположения говорит, например, составленное им житие Петки Тырновской, где наряду с легендами использованы и подлинные исторические документы. Тырновский хронограф, судя по всему, безвозвратно погиб в печально знаменитых тырновских разорениях, но один из его списков, как видно, хранился на Афоне.

⁸⁷ «История во кратце...», стр. 40.

⁸⁸ Подробнее см. об этом Н. Тодоров. Българо-гръцките отношения през XVIII в., отразени в Паисиевата история. Сб. Паисий Хилендарски, стр. 435—460.

⁸⁹ Христианизации Болгарии и связанной с этим дипломатии Бориса Спиридон отводит 5 глав: «О Богарисе, царя болгарском, и о крещеніе его» («История во кратце...», стр. 38—39); «О ѳомѣ отметника» (стр. 41—43); «О Петра Куфара» (стр. 43); «О посланіе царю болгарскому къ папѣ Николаю» (стр. 43—44); «О посланіе кесарей греческихъ Михаила и Василія къ царю болгарскому.— Ересей папихнихъ» (стр. 44—45).

⁹⁰ Тогда на болгарском престоле был хан Персиан.

⁹¹ «История во кратце...», стр. 43.

⁹² Там же, стр. 39, 42.

⁹³ Там же, стр. 47.

очевидно, с одним из предшественников патриарха Евфимия, болгарским старцем иеромонахом Мефодием (первая половина XIV в.). Этот литератор совместно со своим учителем — священником Иоанном — работал в лавре св. Афанасия, исправляя болгарские переводы по византийским образцам. Часть его рукописей хранится в Синайском монастыре св. Екатерины⁹⁴. Спиридон, подобно многим переписчикам житий, отождествляет одноименных исторических лиц, дела двух или трех приписывая одному.

Внимание ученых болгарских монахов XVIII в. к миссии солунских братьев было, видимо, вовсе не случайным. В те времена, когда болгарская национальная церковь совершенно утратила свои позиции, когда фанариоты монополизировали образование, а болгарская речь считалась признаком дурного тона, долгом гражданина было выступить в защиту болгарской народности. Провозвестники болгарского Возрождения пытались доказать, что греки в IX в. были дальновиднее фанариотов, а византийское воспитание Кирилла и Мефодия не сделало их фанатичными эллинизаторами. Именно поэтому кирилло-мефодиевские пассажи у Паисия, Спиридона и автора ЗИ сводятся к локализации деятельности солунских братьев в славянской среде и ограничиваются этим. И хотя в сознании афонских монахов Кирилл и Мефодий были, по-видимому, все-таки ромеи, деятельность их носила характер болгарского просветительства. Солунцы действовали для болгар и в Болгарии. Но они были не только болгарскими просветителями — это славянские апостолы, общеславянские учителя. Идея родства славянских народов, близости славянских языков и культурно-исторической общности доминирует у авторов первых болгарских историй.

Основной их тезис справедлив и исторически верен: Кирилл и Мефодий и их ученики стояли у начала славянского просвещения и болгарской национальной культуры, хотя, как мы полагаем, помощь их в устройении славянской церкви объясняется политической заинтересованностью византийского клира⁹⁵. Просвещенные ромеи Кирилл и Мефодий действительно решили великую историческую задачу, создав на славянской земле славяноязычную культуру.

⁹⁴ См. об этом И. Иванов. Български старини..., стр. 274—276.

⁹⁵ Ср. Е. Георгиев. Кирилл и Методий — основоположници на славянските литератури..., стр. 100.